

ЭТО БЫЛО нынешней весной. Шел концерт в Зеленом театре столичного Парка культуры и отдыха имени М. Горького. Сменяя друг друга, выступали популярные исполнители эстрадных песен, инструментальные и танцевальные ансамбли, сводные хоры, насчитывающие по несколько сот участников. Перед каждым номером по радио объявляли имя артиста, его репертуар. Где-то на третьем часу грандиозного гала-концерта на сцену вышел небольшого роста седой человек. Репродуктор молчал — что-то случилось с техникой, и в абсолютной тишине этот «безымянный исполнитель» медленно подошел к роялю.

— Хочу вам рассказать, как я написал свою первую песню, — обратился он к слушателям. — Вот она. — И он запел:

Мы — красная кавалерия,
и про нас...

С первой же фразы зал буквально взорвался аплодисментами. Они заглушили заработавшее наконец-то радио, которое сообщило, что выступает лауреат Государственной премии СССР, народный артист РСФСР, лауреат золотой медали имени А. В. Александрова композитор Дмитрий Покрасс. Объявлять уже не нужно было: его и так узнали все...

Песни Дмитрия Яковлевича Покрасса. Они вошли в золотой фонд советского песенного творчества. И почти у каждой из них интереснейшая биография.

Мы беседуем в кабинете композитора. На стенах — множество фотографий с дарственными надписями: Покрасс рядом с легендарными полководцами — Ворошиловым, Буденным.

Разговор начался со знаменитого «Марша Буденного»:

— Это было в 1920 году. Мне в ту пору едва минуло двадцать лет. Работал я пианистом в ростовском театре музыкальной комедии под экзотическим названием «Кривой Джимми». Время было беспокойное — в городе хозяйничали белые. Но скоро денкиным пришел конец. В ночь на 9 января войска Первой Конной армии освободили Ростов-на-Дону. Город линовал. Ростовчане с восторгом встречали красных конников.

Под впечатлением этих волнующих событий мы с известным тогда поэтом Д. Актелием (Анатолием Френкелем) сочинили свои первые песни. Они были посвящены героическим воинам, отстаивающим молодую Советскую республику от белогвардейцев и интервентов. Но как показать их тем, о ком они были написаны?

Вскоре такой случай представился. Этот день я запомнил на всю жизнь. Меня и поэта пригласили в штаб Первой Конной (он размещался в гостинице «Палас»). Нас провели в огромный, совершенно пустой зал, где стояло только пианино и единственный стул. Открылась дверь, и вошли Буденный, Ворошилов, Пархоменко, Щаденко и большая группа командиров.

Обращаясь ко мне, Семен Михайлович сказал: «Ну, товарищ композитор, что вы нам сочинили?» Я подошел к инструменту и стал исполнять песню «Мы — красные кавалеристы» (так первоначально назывался «Марш Буденного»). Пою, а у меня сердце замирает. Спел еще несколько раз. Ворошилов говорит: «Хорошая песня!».

Тут я осмелел и попросил: — Возьмите меня в Первую Конную!

— А что ты умеешь делать?

— Играть, сочинять музыку...

Просьбу молодого музыканта удовлетворили. Он был зачислен в Первую Конную армию. В выданном ему до-

люди искусства

БОЕЦ-КОМПОЗИТОР

А. ЛУКОВНИКОВ

кументе значилось: «Дано сие бойцу-композитору 1 Конной Армии Д. Покрассу в том, что ему разрешено ношение огнестрельного оружия. С. Буденный».

Боец-композитор! Должность поистине уникальная. Вероятно, ее не найдешь в штатном расписании ни одной воинской части. Но как точно эти слова охарактеризовали и предопределили весь творческий путь Дмитрия Покрасса.

Молодой красноармеец в «композиторском звании» ездил по частям Первой Конной, давал концерты, разучивал с бойцами новые песни. И вот первая награда — кожаная куртка — по тем временам весьма достойное признание заслуг.

Покрассу повезло: на его формирование как музыканта оказали большое влияние встречи с героями гражданской войны К. Е. Ворошиловым и С. М. Буденным, Александром Пархоменко и Олеко Дундичем, поэт Демьян Бедный.

В 1922 году Ворошилов и Буденный отправились в Москву на I съезд Советов и взяли с собой молодого композитора. Вместе с ними он побывал в Большом театре, слушал Шалипина. По окончании спектакля Климент Ефремович сказал: «Вот, Покрасс, слушай, учись. Ты должен стать хорошим музыкантом. Это тебе наказ от всей Первой Конной».

— С той минуты я твердо решил стать военным, армейским композитором, — говорит Покрасс.

В 1936 году Д. Покрасс прочитал в «Правде» стихотворение А. Суркова «Кон-армейская».

— Название взволновало меня. Я вспомнил свою молодость и годы гражданской войны. Это же песня для меня! Не выпускаю газету из рук, сел за рояль. Мелодия родилась быстро, и вечером ее уже пели первые слушатели.

Эти слова Ворошилова Лебедев-Кумач использовал как название песни, как запев. Над музыкой мы с моим братом Даниилом работали долго. Сочиняли параллельно: Даниил в одной комнате, я — в другой. В результате получились две совершенно различные песни. Тогда мы пришли к довольно необычному решению: первая, созданная Даниилом, стала запевом, а моя — припевом.

Во время Великой Отечественной войны братья Покрасс написали немало боевых патриотических песен. Но наиболее памятна последняя, день рождения которой — 9 мая 1945 года.

— В это радостное утро из Берлина прилетел в Москву поэт Цезарь Солодарь. По телефону он прочитал сложенные им стихи о казаках, которые едут по берлинской мостовой. Надо ли говорить, как по душе пришлись эти стихи? И к вечеру была написана песня «Казак в Берлине».

Размеры газетной статьи не дают возможности рассказать о многих других сочинениях Покрасса, о его работе в Театре миниатюр и в «Мюзик-холле», о том, как он объездил всю страну с эстрадным оркестром железнодорожников, которым руководил более 35 лет. Но об одном все же хочется рассказать. В тридцатых годах Дмитрий Покрасс был главным дирижером популярного тогда эстрадного театра сада «Эрмитаж». В ту пору средства пропаганды песни были намного скромнее, чем сейчас. Музыкальных фильмов выпускалось сравнительно немного, радио в основном звучало через трансляционную сеть, что позволяло принимать лишь одну станцию, и, естественно, на долю песни приходилось мало времени, телевидения еще не существовало, а патефоны для проигрывания пластинок были далеко не у всех.

И вот в «Эрмитаже» с «легкой руки» Дмитрия Яковлевича нашли новую форму популяризации песен. На сцену выносили большой плакат со словами, певец дважды пел каждый куплет, а затем вступал хор зрителей. Пели все, кто сидел в зале. Да и нельзя было не петь — так темпераментно и зажигательно дирижировал этим импровизированным хором Покрасс. Хорошо помню, как он разучивал со зрителями свою новую песню «Москва майская». Она была написана вместе с Лебедевым-Кумачом для хроникального фильма «Двадцатый май».

Утро красит нежным светом
Стены древнего Кремля

распевали посетители сада «Эрмитаж». Песня удивительно легко запоминалась, и вскоре этот радостный гимн любимому городу знала и любила вся Москва, вся страна. Возродить бы сейчас подобную форму пропаганды лучших песен! Наверное, немало из них прижилось бы в быту...

Прежде чем попрощаться с композитором и поблагодарить за беседу, я не удержался и спросил: не страшно ли ему было на том концерте в Зеленом театре? Ведь в зале находилось почти десять тысяч людей самых разных возрастов и вкусов — от молодых до пенсионеров; одним могло не понравиться, что нет современных ритмов, другие отмахнутся: «старо». К тому же досадная наклад-ка с репродуктором.

— А я всегда волнуюсь, когда выступаю. Если перестану волноваться, значит, пора на пенсию. А насчет того, что меня не объявили, это не беспокоило. Вы же видели, как принимали песни? Наверное, зритель и не задумывается об авторстве, потому что считает их своими.

А вскоре я познакомился с самим Сурковым и написал еще одну песню на его слова — «То не тучи, грозовые облака». И она была принята горячо и быстро стала популярной.

Как-то композитор прочел в журнале стихи М. Исаковского:

Дан приказ: ему —
на запад,
ей — в другую сторону...

Певучие стихи, казалось, сами просились в песню.

— Мне был ясен характер мелодии, ее ритмическая структура, и все же над некоторыми строками я мучался довольно долго. Особенно трудно далось начало, — вспоминает Дмитрий Яковлевич.

Наконец песня готова. Первым ее исполнителем был не вокалист, а... военный оркестр. Он сыграл ее на Красной площади во время военного парада.

— Это был первый случай, — говорит композитор, — когда оркестр пел.

«Процанье» звучало по всей стране, оно полюбилось молодежи. И хотя песня говорила о дне вчерашнем, о событиях, которые уже отошли в область истории, она оказалась необычайно современной, сегодняшней: ведь это были годы, когда уже на горизонте собрались военные грозы.

А вскоре родилась песня «Если завтра война», которая говорила об этом в полный голос. История ее создания тоже любопытна.

— Однажды мне позвонили из Наркомата обороны: «Вас вызывает нарком». За мной тут же прислали машину. В приемной уже сидел В. Лебедев-Кумач. Мы недоумевали: в чем дело? «Интересуетесь, почему я вас беспокоил? — спросил Климент Ефремович. — Хочу попросить: напишите песню о гражданских чувствах советских людей, об их любви к Родине, одним словом, на тему — если завтра война...